

ношениях с близкими ему людьми, придворными, с народом, с политическими противниками и союзниками. Трагедия имела сложную интригу, объединявшую большое количество действующих лиц, связанных между собой многообразными отношениями. Главенствующей была в ней тема абсолютной власти, ее праведности, ее границ, способов ее реализации. Поэт-вельможа размышлял о роли советников царя в деле управления государством, о личности монарха, о том, как личные страсти одного человека могут стать причиной крупных изменений в жизни целых народов. Ирод, искренне мнящий себя «телесным Богом», высшей инстанцией истины и правосудия на земле, оказывается игрушкой в руках лукавых советников и клеветников, умело воздействующих на его необузданные страсти. Для понимания первоначального державинского замысла, как кажется, более всего важны начальный вариант финального монолога (сцены безумия) Ирода и заключительная реплика Архелая в первой редакции. Сцена безумия в начальной редакции завершилась восклицанием Ирода:

С змеистой молнией рука пред мной багрова
Летит! Разит! Ты мстишь нечестию, Егова.

(Л. 113 об.)

За гранью безумия героя ждало роковое озарение: вся его слава и сила в земном царствовании были нечестием перед лицом высшего судии, чьим образом он горделиво мнил себя. Архелай, который должен наследовать погибшему деду, подводил философско-политический итог его жизни и завершал трагедию следующими словами:

Мрачна светлейшая, страшна мне диадима.
При редких качествах, при нраве лишь крутом
Вот хитрых ков вельмож что делает с царём.
Свет тмится тучами, страстями — дарованьи,
Наш лучший памятник есть слезы и вздыханьи.

(Там же)

Дмитревскому показалось, что «сей последний куплет длинен и кончается не остро» (Л. 114). Державин с большим трудом нашел новый вариант, гораздо более лаконичный и даже афористический, но понятный в полной мере лишь на фоне отмененного варианта.

Думается, что осознание всех особенностей собственного оригинального замысла пришло к Державину не сразу, а лишь в результате полемики с Дмитревским и, может быть, с другими лицами, читавшими «Ирода». После основного текста «Ирода Великого» им было написано предуведомление к трагедии, в котором изложены принципы художественного историзма в драме, предполагавшие не только использование экзотического слога, но и сложной раз-